

Шан Сижуй не обратил на него внимания, опустил стекло и начал петь, наслаждаясь ветерком. Он исполнил тот самый монолог, который Юань Сяоди так восхвалял:

— Не побывав в саду, как узнать, что весна так прекрасна?

Его голос звучал протяжно, каждое из десяти слов имело свою особую мелодию. Голос его был настолько ярким, что звуки, доносящиеся из окна, заставляли прохожих оглядываться, пытаясь понять, откуда взялась эта Дулэньнян. Затем последовала ария «Садовая беседка»:

— Вот и пурпурные и красные цветы распустились повсюду, но всё это осталось среди руин и разрушенных стен...

За окном машины тянулись древние дома и старые стены Бэйпина, время от времени мелькали тени густых акаций. Эти древние и однообразные уличные пейзажи, сочетаясь с пением Шан Сижую, создавали тонкий контраст, но при этом казались гармоничными. В сердце Чэн Фэнтая возникло невыразимое чувство. Вместе с Шан Сижуюем он часто испытывал это странное чувство переплетения прошлого и настоящего, мгновенного изменения мира. Шан Сижуй словно обладал магией, как та сирена из греческих мифов. Стоило ему заговорить, как мир вокруг менялся, постепенно окрашиваясь или теряя цвета — всё зависело от того, что он пел. Попадая в этот магический мир, невозможно было избежать очарования.

Чэн Фэнтай тоже начал напевать вместе с Шан Сижуюем, хотя и не попадал в такт.

Многие известные актёры, долгое время вращавшиеся в кругах богатых и праздных людей, либо увлекались опиумом, либо проводили ночи в азартных играх, приобретая привычки, которые только опустошали их кошельки. Однако Шан Сижуй не имел никаких пристрастий к курению, азартным играм или разврату. Единственное, что он любил, помимо дорогих сценических костюмов, — это слушать и петь оперу. Все его увлечения так или иначе вращались вокруг его профессии, и он никогда не терял к ней интереса. Всякий раз, когда Чэн Фэнтай встречал его, он либо слушал оперу, либо пел, либо обсуждал или сочинял новые пьесы.

Но в этот день Шан Сижуй сидел за столом, спокойно что-то записывая. Рядом лежала стопка газет, и он был настолько погружён в своё занятие, что даже не услышал, как Сяо Лай открыла дверь для Чэн Фэнтая. Сяо Лай, открыв дверь, даже не взглянула на Чэн Фэнтая и сразу же ушла, не сообщив Шан Сижую о его приходе. Чэн Фэнтай был рад этому и, подкравшись к комнате, заглянул за спину Шан Сижую. Тот с трудом выводил иероглифы кистью, и на листе бумаги было написано всего несколько крупных иероглифов, каждый из которых был настолько большим, что выходил за пределы красных линий, что выглядело ужасно. Если Шан Сижуй не знал, как написать какой-то иероглиф, он листал газеты, шурша ими, и в итоге получился следующий текст: «Ду Ци, уже год как мы не виделись, я очень по тебе скучаю. Я хочу поставить новую пьесу, но все они не подходят, тексты липкие и неудобные. Мне нужен только твой. Кстати, я уже знаю, что виолончель — это скрипка, но она ни в какое сравнение не идёт с нашим хуцинем. Она бесполезна, надеюсь, ты скоро вернёшься. Шан Сижуй».

Написание этого полуклассического письма стоило Шан Сижую огромных усилий. Он глубоко вздохнул, поднял лист бумаги и внимательно осмотрел его, казалось, он был доволен результатом, по крайней мере, любой грамотный человек мог понять, что написано. Подняв голову, он вдруг заметил Чэн Фэнтая и испуганно воскликнул:

— Эр-е, когда ты пришёл? Почему не сказал?

Чэн Фэнтай ответил:

— Я подсматривал, как Шан-лаобан пишет письмо своему возлюбленному. Ну знаешь: «Очень скучаю, надеюсь, ты скоро вернёшься». Видно, как ты торопишься.

Шан Сижуй фыркнул, складывая письмо и засовывая его в конверт:

— Ты только эти два предложения и заметил! Какой ты грязный! Это Ду Ци!

Чэн Фэнтай хорошо знал, что за человек этот Ду Ци, этот ветреный талант, который, скорее всего, увлёкся какими-то заграничными красотками во Франции. Иначе зачем бы ему было ехать туда на целый год, если в Бэйпине можно было найти и виолончель? Только Шан Сижуй мог поверить его бредням.

— Ты думаешь, он вернётся, получив твоё письмо?

Шан Сижуй ответил:

— Не знаю. Я просто тороплю его. Эр-е, подойди!

Он достал листок бумаги, на котором был написан адрес Ду Ци во Франции, все буквы были на иностранном языке, и Шан Сижуй с трудом их копировал.

— Эр-е, помоги мне переписать адрес.

Чэн Фэнтай взял кисть, но почувствовал, что это не его инструмент, и усмехнулся:

— Эр-е с этим не справится.

Он достал из кармана ручку и аккуратно написал адрес на конверте. Его иностранный почерк был куда лучше, чем китайский.

— Что хорошего во Франции? Все туда едут и не возвращаются, даже пьесы не пишут.

У Шан Сижуйя была привычка считать, что только его опера — это серьёзное дело, интересное и важное, а всё остальное — просто пустая забава. Поэтому он не мог понять, почему Ду Ци так увлёкся Францией.

Чэн Фэнтай зажёл сигарету спичкой и сказал:

— Когда мне было двенадцать, отец взял меня и сестру в Англию и Францию. Франция прекрасна! Женщины там особенно хороши, ароматные, белые и крепкие, они сразу обнимают

и целуют. Твой Ду Ци, хе-хе...

Шан Сижуй нахмурился, неясно, было ли это из-за разговора о женщинах или из-за того, что Чэн Фэнтай оскорблял Ду Ци. Он выхватил конверт и с досадой сказал:

— Эр-е, ты опять несёшь ерунду!

Он направился в спальню, а Чэн Фэнтай последовал за ним и улёгся на кровать Шан Сижую. Над кроватью висели две маски Пекинской оперы, купленные на Тяньцзяо, яркие и устрашающие, похожие на маски, используемые для отпугивания злых духов. Только Шан Сижуй находил их приятными.

— Шан-лаобан, я попрошу у тебя отпуск на сегодняшний вечер. У меня договорённость на ужин.

Шан Сижуй спросил:

— С кем?

Чэн Фэнтай ответил:

— Подойди, и я тебе расскажу.

Он всегда использовал этот трюк, чтобы обмануть Шан Сижую, и тот всегда попадался. Когда Шан Сижуй подошёл, Чэн Фэнтай схватил его за руку и притянул к себе, поцеловав. Шан Сижуй послушно закрыл глаза и открыл рот, позволяя языку Чэн Фэнтая исследовать его, при этом осторожно прикусывая. На этом они пока и останавливались, так как нога Чэн Фэнтая, упирающаяся между ног Шан Сижую, чувствовала, что там всё ещё мягко и нет никакого возбуждения. Шан Сижуй, возможно, просто не хотел, и после поцелуя его большие глаза оставались ясными, без следа желания, только дыхание слегка участилось. Все любовницы Чэн Фэнтая были опытными и страстными женщинами, которые сами снимали одежду и прижимались к нему, но Шан Сижуй был совсем другим — невинным и неопытным. Да и сам Чэн Фэнтай терял интерес, когда Шан Сижуй смотрел на него своими чистыми глазами.

Чэн Фэнтай перевернулся на бок, лёжа рядом с Шан Сижуюем:

— Шан-лаобан, я тебе кое-что скажу, только ты не обижайся.

— Хорошо. Я не обижусь.

Чэн Фэнтай долго думал, но решил сказать правду, так как ложь могла привести к неприятным последствиям:

— Я с Чан Чжисинем и Фань Лянем иногда встречаюсь, чтобы поболтать.

Шан Сижуй выглядел спокойным:

— А что этот Чан Чжисинь тебе рассказывал? Ты мне потом расскажешь!

Чэн Фэнтай спросил:

— Что ты хочешь услышать?

— Всё!

Чэн Фэнтай вздохнул:

— Ты до сих пор о них думаешь? Какой ты упрямый.

При упоминании этих двоих Шан Сижуй сразу же оскалился, ударил по кровати и бросил подушку, сквозь зубы проговорив:

— Кто о них думает, эти мерзавцы! Я просто любопытствую!

Чэн Фэнтай засмеялся:

— Ты зря стараешься. Чан Чжисинь и Фань Лянь — настоящие друзья, а я просто болтаю с ними. Он же юрист, говорит очень осторожно, ты думаешь, он расскажет тебе какие-то сплетни?

Шан Сижуй вскочил с кровати:

— Ты предпочитаешь болтать с ними, а не слушать оперу со мной!

Чэн Фэнтай, находясь рядом с Шан Сижуем, наслаждался музыкой, но оставался голодным в другом смысле, и спокойно сказал:

— Я буду слушать! Оперу начнут вечером. Я обязательно вернусь, чтобы забрать тебя, и куплю тебе торт, ладно?

Шан Сижуй выглядел недовольным, но немного успокоился.

Чэн Фэнтай встретился со своими шуринами, Чан Чжисинь опоздал, а Фань Лянь пришёл раньше. Фань Лянь был с ними на короткой ноге, и, чтобы скоротать время, пригласил девушку с пипой в кабинет, чтобы послушать музыку. Когда Чэн Фэнтай вошёл, они уже держались за руки, и девушка сидела у Фань Ляня на коленях, они пили из одного бокала, шепчась друг с другом.

Чэн Фэнтай притворился, что хочет уйти:

— Ой, вы заняты? Извините за беспокойство.

<http://bllate.org/book/15435/1368601>